

УДК 159.98

М. Р. Арпентьева

*Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского (Россия)*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ НОМАДИЗМ

Статья посвящена анализу особенностей идентичности субъектов, практикующих цифровой номадизм, их позитивных и негативных моментов. В качестве позитивных моментов описываются стремление к свободе и самостоятельности, поиск новых способов бытия и отношений, интеграции в мировое человечество. В качестве негативных – отказ от построения отношения близости и постоянства, традиционных для родной культуры и человечества в целом духовно-нравственных ценностей, маргинализация. Автором подчеркивается, что одним из важных моментов цифрового номадизма является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, стремления к свободе как комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей. Эти стремления формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности, первой страдает этнокультурная, а затем и личностная идентичность.

Identity and digital nomadism

The article is devoted the analysis of features of the identity of the subjects, practicing of digital nomadism, their positive and negative aspects. As positive aspects describes the desire for freedom and independence, the search for new ways of being and relations, integration into the world of humanity. As for the negative – refusal to build relations of closeness and permanence, the traditional native culture and humanity in General moral values, the marginalization. The author emphasizes that one of the most important moments digital nomadism is a phenomenon of «loss of roots», rupture or the destruction of social identity as a result of the refusal of spiritual and moral values of their culture and humanity, the desire for freedom as the comfort and security that the release from hard work and responsibilities. These aspirations form a special attitude towards themselves and the world in which the positive aspects related to creativity, development, enjoyment of life, combined with consumerism, stagnation and destruction of a person first suffers from ethno-cultural and then personal identity. Features of identity described by the author from the standpoint of the multicultural approach that allocates different points of view on the identity of a generation of digital natives and digital nomadism.

Феномен цифрового номадизма (цифрового кочевничества, digital nomad) или существования группы людей, которая ведет «мобильный образ жизни», постоянно меняя места проживания, а также использует цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей (как «чемоданный антрепренер», suitcase entrepreneur) и решения иных во-

просов, становится в современном мире все более популярным и привлекает внимание не только практиков, но и теоретиков [7; 24; 23; 27, p. 309, 391; 22; 26]. Исследователи отмечают необходимость метаязыка описания цифрового кочевничества как социокультурного феномена и объекта трансдисциплинарного изучения. Однако основные его аспекты могут быть изучены и разными науками поотдельности: диалог наук не обязательно предполагает трансдисциплинарного изучения. Последнее интересно в большей мере в силу общих тенденций развития науки и практики. На наш взгляд, существует несколько наиболее интересных ракурсов исследования цифрового кочевничества, в первую очередь это взгляд культурологический. Следующий, близкий к нему, – социологический. Еще один аспект – исторический. Внутренним, отражающим сущность проблемы цифрового кочевничества является взгляд психологический, точнее, социально-психологический. Ведущим феноменом исследований цифрового кочевничества с точки зрения социальной психологии является феномен идентичности.

Теоретический анализ проблем идентичности цифровых кочевников. В контексте исследований феномена идентичности цифровой кочевник – человек «мира» или «человек без корней» – одна из загадок и в то же время реалий современного мира. «Пребывать “в движении” стало образом жизни многих» [31]. Дж. Питерс пишет, что цифровой кочевник не понимает «мечты о родине», так как, будучи мобильным и используя цифровые технологии, может находиться в любом месте, хотя и прибегая к «кочевой близости» (поддерживая и предпочитая отношения со «старыми» знакомыми вопреки декларациям «любви к новизне» и т. д.) [28]. Другие исследователи отмечают, что цифровой кочевник ищет и находит свои собственные ответы на важнейшие вопросы жизни: прекращая «крысиные бега» замкнутых пространств, они заново открывают себя и мир. Кочевники – продолжатели и последователи идеи повседневного удовольствия и счастья («fun»), сложившейся у поколения «цифровых аборигенов». Это люди, живущие под множеством «флагов»: как описывает этот процесс теория семи флагов Н. Сиссон («six flag theory»), множественность идентификаций помогает им интернационализировать и тем самым обогатить все аспекты их жизни, повысить качество жизни, сочетая минимализм и «жизнь по своим правилам» («live life on your own terms»), достигая идеала, в том числе – идеала свободы (create your ideal lifestyle) [7; 24; 25; 26; 28; 30].

Номады, как кажется, стремятся к личной свободе, однако, это стремление может быть как стремлением «от» (игнорирования и отрицания), так и стремлением «против» (отрицания и противопоставления). Это может быть и стремление к свободе «для» (автономности и интеграции). Всё это формирует его маргинальную идентичность [17]. Как типичный мигрант в мире мульти-

культурных сообществ, он не обладает целостной идентичностью, формируя расщепленную, лоскутно-фрагментарную идентичность или полностью утрачивая связь с «корнями» и ассимилируясь там, где живет постольку, поскольку основная часть его жизни протекает в мире виртуальных коммуникаций. Однако во многих случаях речь идет о том, что формируется трансидентичность «человека вселенной». Путешествие как передвижение превращает жизнь в моменты установления и разрыва близости с определенными людьми, местами и событиями; такое сближение или отдаление при этом считается обязательным, уместным и желательным. С другой стороны, для людей, ведущих оседлый образ жизни, динамика сближения и отдаления намного менее выражена, а значит, вносит меньший вклад в текущее состояние, кратковременную перспективу жизни и трансформацию субъектов, в изменения их идентичности. Напротив, она вносит более интенсивный и часто более значимый вклад в развитие человека в долговременной перспективе. Модусы такого сближения – отдаления обретают специфическое название: соприсутствие и включенность для кратковременных циклов взаимодействия (в том числе у кочевников) и близость – отчуждение для долговременных. Вместе с тем цифровой кочевничество есть важная альтернатива иному, более глобальному способу отчуждения: виртуальным отношениям и контактам: «Окруженные технологиями и меняющейся степенью неуверенности партнеры по социуму находят друг друга, чтобы заключать крупные сделки за пределами электронных границ обмена, создавая рынок. Они объединяются в тесные социальные миры, чтобы с помощью друг друга и общего понимания того, “что происходит”, двигать рычаги, управляющие миром» [15, с. 194; 16]. Они противостоят одиночеству: моменты соприсутствия помогают поддерживать нормальную общественную жизнь, даже если речь идет о ее существовании на базе обширных пространственно-временных и культурно-исторических «расстояний», с длительными периодами отдаления [19; 20]. Они обеспечивают участие «в доступе к своей части социального наследия» [18, с. 6]. Вместе с тем кочевничество – одно из проявлений детерриториализации [21], формирования и развития цивилизованных сообществ постпаноптикума, организованных вокруг «текущей современности» [14], в которой даже самое частное не является больше полностью личным, также, как и не является больше национальным, связанным с определенной территорией и народом, их культурой. Поэтому сетевое общение и кочевничество, а также повседневное «частое общение в интернете – дополнение к частому личному общению, а не его замена» [29, с. 179].

В любом случае цифровой кочевничество, по мнению исследователей, сформировался не только как объект философского и частно-научного осмысления, но и как определенный стиль жизни значительного количества людей. Цифро-

вые кочевники или номады перемещаются по миру либо в процессе своей профессиональной и учебной деятельности, либо в процессе досуга и в связи с особенностями семейной жизни. Внешне они не привязаны к какому-либо определенному месту, стране или региону, благодаря постоянному использованию технологий Интернет, мобильной и иной связи [26]. Изначально цифровой номадизм имел локальный характер: номады были жителями мегаполисов, но с расширением беспроводных средств связи, благодаря развитию спутниковой связи, они есть практически повсеместно. Цифровое кочевничество как явление напрямую связано с возможностями и ограничениями современных информационных технологий, в том числе сетевого информационного и коммуникативного сообщества, объединяющего так или иначе, кроме цифровых иммигрантов и «цифровых динозавров», настойчиво отказывающихся от пользования современными средствами связи, практически всех людей. Возможность постоянного передвижения и ненормированный рабочий график стимулируют мобильность «перекати-поля», а «подключенность» к мировой информационно-коммуникативной сети указывает на то, что идентичность «перекати-поля» также формируется на основе идеологии и ценностей этой сети. Поскольку ее идеология и ценности не отличаются ни целостностью, ни постоянством, то базовые характеристики идентичности цифровых кочевников, как правило, рано или поздно нарушаются: субкультура цифровых номад как «умная толпа» также становится супермобильной. Вопрос лишь в том, что, являясь «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости» [2; 26], люди сталкиваются с проблемой деиндивидуализации, присущей толпам, а значит, и лишаются того самого «ума», которым явно или неявно гордятся многие номады.

Цифровое кочевничество – следствие и причина активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов идентичности (систем духовно-нравственных ориентаций, стратегий понимания себя и мира, моделей общения). В отдельных регионах цифровой номадизм выражен меньше, чем в других: там, несмотря на общую мультикультурность большинства современных территорий, заселенных людьми, сохраняется традиционная культура и ее ценности: процессы и феномены седентаризма сочетаются с традиционными кочеваниями и миграции таким образом, который не нарушает целостности идентичности.

Напротив, в регионах, отказавшихся от традиционных ценностей, в том числе ради глобализации и ее «вестернизированной» культуры «перекати-поля», седентаризм и миграции почти в равной мере приводят к фрагментации и разрушению идентичности: основа продуктивной и стабильной идентичности – духовно-нравственные ценности, деструктивная и нестабильная идентич-

ность лишена стабильных духовно-нравственных опор, она мечется между «крепостью дома» и «беспределом улиц». Цифровой номадизм в этом контексте также может быть результатом метаний: сценарий традиционного вестерна предполагает бесконечный путь к лучшему, «своему», отказ от «чужого» как мешающего или вызывающего какие-либо затруднения и запреты. Духовно-нравственное более, чем что-либо другое, основано на запретах и создает «затруднения». Однако его устойчивость и даже в отдаленных регионах мира часто быстро нарушается, и, по прогнозам исследователей, геоклиматические, социально-политические, психологические и экономические изменения в мире (включая трудовую и семейную миграцию и интернационализацию бизнеса) должны стимулировать рост цифровых мигрантов-номад, рост номадических потоков и становление развернутой системы в разной мере глобальных информационно-коммуникационных «хабов» планеты [7; 8; 10; 11]. Это способно изменить расстановки сил на рынке труда и брака, требования к организации жизни поселений в согласии с особенностями стиля жизни, духовно-нравственных ориентаций номад, специфическими видами («траекториями») мобильности, к организации и развитию мультикультурного взаимодействия в реальной, контактной среде и в виртуальной среде, посредством социальных сетей и коммуникативных платформ. При этом может возникнуть и уже местами возникает конфликт цифровых кочевников, перемещающихся в пределах одного-двух полисов и регионов, номад «глобальных», ищущих для себя и место для себя в самых «заповедных зонах» мира и поселенцев, привязанных к определенной территории и идентичности. Особенно очевиден этот конфликт в отношении семейной жизни: «гостевые» и иные формы дистанционного брака и невозможность поддерживать длительные, глубокие, включенные отношения с одним и тем же человеком, если он не путешествует вместе с тобой, иллюстрируют деформации идентичности и ценностей человека как социального существа. Номадизм как и иные формы «вестернизации» жизни отражают неспособность личности к установлению таких отношений, а значит, неполноценность ее функционирования и затрудненность развития. Если обратиться к общей теории мультикультурных отношений, то мультикультурность предполагает формирование у представителей и у тех, и других групп/диаспор множественной и неоднородной, гетерогенной и полиморфной репрезентацию культурной идентичности: формы понимания себя и мира, возникающие на полях и в центре доминирующей и подчиненной культур, могут использоваться для «переосмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие. Глобализация, побуждающая искать «общее», сталкивается с культурной спецификой понимания себя и мира, связанной с принадлежностью – воспитанием и обучением, жизнью в определен-

ной культуре. «Принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы» [13, с. 1]. При этом представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, которая идет параллельно с процессом зарождения нового, «гибридного». Субъект мультикультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «где-то между», «над схваткой», отражает диалектику бинарной оппозиции «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной нации [6, с. 84]. Особенно трудно этот процесс протекает там, где нация и ее идентичность длительное время подвергались масштабному игнорированию, существуя скорее как «инобытие» или «квазибытие», чем «самобытие». Еще более тяжелый феномен – отрицание бытия нации: негативная идентичность не только уничтожает игнорируемую другими национальными группами нацию, но и сами эти группы. Игнорирование и отрицание разрушают диахроническую и синхроническую целостность нации, ее культурно-исторический потенциал, исчерпание которого означает и конец нации. В случае же геноцида, при котором нация не столько игнорируется, сколько противопоставляется и целенаправленно уничтожается как «неполноценная», формируется особая, нарушенная, идентичность и особая группа психических нарушений «по обе стороны» сражающихся. Это идентичность «лоскутная», лишенная нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования. Переживание преследования и связанное с ним «бегство» от реальности, себя (своего) или других (чужих), от реальных отношений с собой и миром всегда было одним из симптомов идентичности «человека без корней». Напротив, человек с корнями, хотя и нуждается в автономности, хотя и пересматривает свою идентичность и принадлежность, реинтегрируясь в общество на тех или иных основаниях, направлен именно к реальности, к глубоким и разносторонним отношениям с собой и миром. Наличие таких отношений есть критерий его социально-психологического здоровья, отсутствие – критерий нарушений и проблем разной степени длительности и интенсивности.

Способы решения этого вопроса на уровне «цифровых номад» как индивидов и как членов группы отражают старый спор между «либералами» и «коммунитаристами» о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности. Либералы полагают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни: принцип примата личности над общиной предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять

существующие культурные традиции и практики, то община не обладает правом препятствовать модификации или отказу от них. Коммунитаристы полагают, что личность «встроена» (embedded) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он результат социальных практик. А приоритет личной свободы ведет к разрушению общества. В любом случае оба этих потока присутствуют и отражаются в диалектике «глобализации» – «мультикультурализма» [10].

В борьбе наций за существование и развитие, как правило, выделяется ряд тенденций: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства, саморефлексия и индивидуализация, признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность, эгалитаризм и властные амбиции народов [1]. С. Бенхабиб обозначила ситуацию культурного плюрализма, поддерживающего, в частности, и феномен цифрового номадизма, термином радикальный, или мозаичный, «лоскутный», мультикультурализм, понимая под последним наличие в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Мозаичный или «лоскутный» мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации [4, с. 9, 35]. Это особенно важно потому, что современные виды миграции, как вынужденной, так и добровольной, как «цифровой», так и традиционной, могут рассматриваться как территориальная экспансия:

1) государство оказывает поддержку родственным себе этнокультурным или конфессиональным группам, находящимся на территории другого государства, которые, существуя в виде локальных гомогенизированных групп или диаспор, не всегда «вливаются» в общий культурный контекст;

2) миграция больших этнических групп на территории стран с резко отличными культурами приводит к интенсивным деформациям культур и более или менее обширным «захватам» территорий мигрантами, начинающими насаждать свою культуру.

«Захватнический» характер миграций цифровых номад кажется неочевидным, однако, создаваемые ими более или менее обширные миграционные потоки и взаимодействия культур, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот». Этот процесс весьма неоднозначен: подчас даже мелкие диаспоры часто разбиты на множество иных подгрупп, нередко имеющие не только особенности культур и языковых традиций, но и верований, не только отличных и имеющих сложные от-

ношения с другими народностями. Что касается цифрового номадизма, то многие из представителей этой группы опираются исключительно на личную идентичность, сформированную в лоне родительской культуры, но отщепившуюся от культурной идентичности. Л.В. Русских [12, с. 85] описывает мультикультурную политику как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст». Такой вариант адаптации цифровых номад в форме «сдержанной интеграции» подразумевает заботу о сохранении культуры «большинства» наряду с принятием новых культур – групп «меньшинств» в рамках формирования и укрепления общей региональной/гражданской/человеческой идентичности, препятствующей размыванию границ и традиций соответствующей культуры, переходу к полному бескультурью с его отсутствием запретов и долженствований, налагаемых духовно-нравственными нормами культуры [12, с. 85].

Кроме того, возникает вопрос типологизации цифровых номадов и «нетократии» как новой формы управления и социально-экономических отношений, в рамках которых главной ценностью являются не материальные, а информационные аспекты, а социальный и человеческий капитал важнее капитала материального и экономического [3; 29].

В результате теоретического анализа исследований номадизма можно выделить несколько основных типов цифровых кочевников:

1. Человек вселенной или интегрированный тип, чья идентичность позитивна, целостна и сохранила связь с родной культурой, а также нацелена на установление связей с иными культурами и их представителями. Цифровое кочевничество воспринимается как фрагмент жизни, связанный с целями саморазвития в профессиональной и учебной, досуговой и семейной сферах. Кочевничество есть путешествие в страну смыслов и ценностей: к самому себе. Отношения, которые строят эти люди – отношения поиска, любви. Сочетающие отношения личностной значимости и соприсутствия.

2. Амбивалентный тип, чья идентичность маргинальна, двойственна и размыта, цифровой номадизм практикуется как способ уйти от решения личных и социальных проблем. Типичны ориентация на территориальную экспансию и поиск удовольствий, отсутствие структурированного представления о целях собственного кочевничества, тенденция «жить по своим правилам», избегая обязанностей и ограничений повседневных обязательств. Кочевничество есть способ существования, позволяющий сочетать обременительные и необременительные аспекты жизни: минимизировать напряженность и увеличить наслаждение жизнью – путь к удовольствиям, в том числе от самого себя. Отношения таких людей в большей степени – соприсутствие и включенность, чем отношения личностной значимости.

3. Лоскутный тип, чья идентичность «человека без корней» фрагментарна и негативна, человек не способен к построению прочных и глубоких отношений ни с окружающими его людьми, ни с теми, кто когда-то в них пришел. Кочевничество выглядит как спорадическое перемещение «человека без корней», «перекати-поля» в направлении, определяемом жизненной ситуацией (внешними по отношению к личности аспектами). Кочевничество есть способ существования, позволяющий удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, путешествие как скрытый протест и несогласие с миром паноптикума – против самого себя и мира. Ведущий моду отношений – избегание: отношения отказа от близости в форме значимых отношений и в форме со-присутствия (перманентное отсутствие вечного путешественника)

Ведущими модусами, структурирующими сознание «цифрового кочевника» являются свобода и зависимость, близость и отчуждение, труд и отдых, новизна и привычность, развитие и стагнация. Подводя итог, подчеркнем: цифровое кочевничество многотипно. Это и «цифровое беженство», используемое человеком, чтобы уйти из мира обязательств и травм; это и «цифровой туризм», используемый в целях структурирования времени и пространства жизнедеятельности; это и просто «путешествие» в мир иных смыслов за самим собой и гармонией своего мира. Это и «цифровые захваты» новых территорий: не случайна тяга «кочевников к местам, где «не ступала нога человека» и местам, «похожим на рай» [3; 14].

Одним из наиболее сложных моментов цифрового кочевничества является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, стремления к свободе как комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей. Эти стремления формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности, первой страдает этнокультурная, а затем и личностная идентичность. Ведущей идеей «цифровых кочевников», по данным многих опросов, является идея собственного благополучия, однако она далеко не всегда связана с благополучием окружающих. Несомненно то, что прекаризация и иные формы «освобождения» труда изменяют рынок труда и общественные отношения, однако важно не перепутать местами следствие и причину: общественные отношения, изменяясь, создают прекаризацию, а не наоборот. Прекаризация как «свободный труд» имеет в настоящее время не меньше ограничений, чем достоинств: человеку без корней некому помочь. Убегая от одиночества, «непонятости», «несвободы», человек может попасть в еще худ-

шее, чем было, положение. Очевидно справедливо высказывание о том, что истинная свобода – внутри человека, а не вне него.

Список основных источников

1. Арпентьева, М. Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании / М. Р. Арпентьева // Представительная власть – XXI век. – 2014. – № 7–8 (134–135). – С. 59–65.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
3. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист ; пер. со швед. яз. – СПб. : Стокгольм. школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
4. Бенхабиб, С. Притязания культуры / С. Бенхабиб ; пер. с англ. яз. ; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.
5. Делёз, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2000. – 895 с.
6. Касавин, И. Т. Человек «мигрирующий»: онтология пути и местности / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 84.
7. Кужелева-Саган, И. П. Общество-Сеть. Эволюция представлений: концепции, образы, метафоры / И. П. Кужелева-Саган // Wolkenkuckucksheim. Воздушный замок. Международный журнал по теории архитектуры. – 2014. – № 32 (19). – С. 29–42.
8. Ле Коадик, Р. Мультикультурализм / Р. Ле Коадик // Débats sur l'identité et le multiculturalisme / отв. ред. Е. Филиппова [и др.]. – М. : ИЭА РАН, Наука. – 2005. – С. 78–104, 126–149.
9. Миниғалиева, М. Р. Толерантность и мультикультурализм / М. Р. Миниғалиева. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. – 332 с.
10. Мир глазами блоггера / под ред. В. Трофимова. – М. : ООО «Издательский дом “Вече”», 2011. – 240 с.
11. Носова, С. С. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы / С. С. Носова, И. П. Кужелева-Саган // Сибир. психолог. журнал. – 2013. – № 49. – С. 85–96.
12. Русских, Л. В. Основные направления политики мультикультурализма в России / Л. В. Русских // Вест. Южно-Уральского ГУ. Сер. Соц.-гуманитар. науки. – 2014. – № 2. – С. 85–89.
13. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература / С. П. Толкачев // ИГП «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 1. – С. 1.
14. Bauman, Z. Liquid Modernity / Z. Bauman. – Cambridge, UK : Polity, 2000. – 224 p.
15. Boden, D. Worlds in action: information, instantaneity and global futures trading // B. Adam, U. Beck, van Loon J. (eds). The Risk Society and Beyond. – London : SagePublications Ltd, 2000. – 240 p.
16. Boden, D. The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity / R. Friedland, D. Molotch, H. Boden (eds). – Berkeley : University of California Press, 1994. – P. 257–286.

17. Bogard, W. Simmel in cyberspace: strangeness and distance in postmodern communications / W. Bogard // *Space and Culture*. – 2000. – № 4/5. – P. 23–46.
18. *Citizenship and Social Class* / T. Marshall, T. Bottomore (eds.). – London : Pluto, 1992. – 101 p.
19. Cohen, I. Detached involvement: on the sociology of solitude / I. Cohen // *Annual Conference of the American Sociological Association, Washington, August, 2000*. – Washington, DC. – 2000. – P. 3–12.
20. Cohen, R. *Global Diasporas* / R. Cohen. – London : University College London Press, 1997. – 241 p. – P. 129–134.
21. Deleuze, G. *Nomadology: The War Machine* / G. Deleuze, F. Guattari ; trans. by B. Massumi. – N.Y. : Semiotext(e), 1986. – 160 p.
22. Fernández, V. A. *Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización* / V. A. Fernández. – Murcia : Universidad de Murcia, EDITUM, 2010. – 160 p.
23. Friebe, H. *Wir nennen es Arbeit: die digitale Bohème oder: Intelligentes Leben jenseits der Festanstellung* / H. Friebe, S. Lobo. – München : Heyne Taschenbücher. – Heyne, 2006. – 303 p.
24. Gussekloo, A. *Digital Nomads: How to live, work and play around the world* / A. Gussekloo. – N.Y. : Location-Independent Publishers, 2016. – 280 p.
25. Howe, N. *Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069* / N. Howe, W. Strauss. – N.Y. : Quill William Morrow, 1991. – 544 p.
26. Makimoto, T. *Digital Nomad* / T. Makimoto, D. Manners. – Chichester : John Wiley, 1997. – 256 p.
27. McLuhan, M. *Understanding Media* / M. McLuhan. – N.Y. : Routledge Classics, Abingdon, 1964 (2001). – P. 309, 391.
28. Peters, J. D. Exile, nomadism, and diaspora: the stakes of mobility in the Western canon / J. D. Peters // *Home, exile, homeland: film, media, and the politics of place* / H. Naficy (ed.). – N.Y. : Routledge, 1999. – P. 17–41.
29. Putnam, R. *Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community* / R. Putnam. – N.Y. : Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. – 544 p.
30. Sisson, N. *The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life* / N. Sisson. – N.Y. : Tonawhai Press 2013. – 314 p.
31. *Sociology Beyond Societies* / J. Urry. – London ; N.Y. : Routledge, 2000. – 255 p.